

ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ КУРГАНА № 20 В НОИН-УЛЕ (МОНГОЛИЯ)

Исследованы эмалевые чехлы семи нижних зубов постоянной смены, позволившие определить, что в погребении находились останки молодой женщины. На молярах женщины сконцентрированы важнейшие расодифференцирующие признаки; они образуют очень редкий комплекс, который встречается в нескольких современных и древних этнических группах Прикаспийско-Приаральской обл. и северных районов Индо-Гангского междуречья. По обнаруженному в захоронении шерстяному текстилю парфянского производства можно предположить, что по происхождению женщина связана с Северо-Западной Индией и является представительницей парфянской культуры. История взаимоотношений империи хунну с Парфией и Китаем свидетельствует о культурном влиянии на жителей глубинных районов Центральной Азии населения Северо-Западной Индии и Кашмира. Антропологическая находка из кург. № 20 могильника в Ноин-Уле подтверждает, что в общество хунну на рубеже эр могли быть интегрированы выходцы из этого района Парфянского государства.

Ключевые слова: стертость зубов, гипоплазия зубной эмали, южный грацильный одонтологический тип, империя хунну, парфянская культура, Северо-Западная Индия.

Введение

В курганах хуннской знати известного могильника в горах Ноин-Улы в Северной Монголии кости погребенных сохранились не везде и лишь фрагментарно, поскольку в древности все захоронения подверглись разграблению (осквернению). Целью грабителей был прежде всего погребенный. Все деревянные лаковые саркофаги, в которых находились тела умерших, разбиты. Останки людей, оружие и другие ценные вещи, которые были на усопших, грабители вытаскивали из могилы. О том, что происходило с человеческими останками дальше, можно только догадываться. Например, сами хунну из черепа юечжыского вождя, убитого шаньюем Лаошанем в середине 70-х гг. II в. до н.э., сделали чашу, из которой при заключении договоров с представителями китайского двора пили смесь жертвенной крови с опьяняющим напитком. О некоторых случаях грабежа остались письменные свидетельства. Так, известно, что «в царство Чжао-ди ухуаньцы мало по малу усилились и раскопали могилы хуннских Шаньюев в отмщение Модэ» [Бичурин,

1950, ч. 1, стр. 144]. П.Б. Коновалов, исследовавший рядовые хуннские могильники на территории Бурятии, отмечал, что в большинстве потревоженных могил черепа погребенных отсутствуют [1976, с. 158]. У кочевых народов еще со времен скифов осквернение принадлежавших врагам могил в ходе борьбы за власть и землю было одним из главных символических деяний победителей.

О немногочисленных антропологических находках из ноин-улинских курганов остались свидетельства авторов раскопок – С.А. Теплоухова, П.К. Козлова, С.А. Кондратьева; их данными пользовался и С.И. Руденко*.

*В кург. № 24 были найдены кости таза [Теплоухов, 1925, с. 17–18]. В кург. № 6 «покойник был, по-видимому, вытасен из гроба и брошен в восточный коридор в сидячем положении», кости почти истлели [Жизнь..., 2006, с. 211]. В Баллодовском кургане обнаружены кости ног, черепная крышка, кусок височной кости, шейный позвонок [Ходукин, 1926, с. 11]. В «Монгольском» кургане найдены кости ног, зубы (Архив РГО, ф. 2, д. № 239), в Андреевском под перекрытием погребальной камеры – обломок человеческой

Установить по этим данным пол, возраст и расовую принадлежность погребенных в тот период, вероятно, не представлялось возможным. К настоящему времени ничего из антропологического материала Ноин-улинского могильника не сохранилось. В современных антропологических исследованиях упоминается только один женский череп палеосибирского типа [Дебец, 1948, с. 123]. Поэтому любые костные остатки погребенных, обнаруженные в горах Ноин-Улы, представляют большой научный интерес.

В 2006 г. совместной Российско-монгольской археологической экспедицией был исследован кург. № 20 в Ноин-Уле [Полосьямак, Богданов, Цэвээндорж, Эрдэне-Очир, 2008]. В древности он, как и другие курганы могильника, подвергся разграблению. Деревянная погребальная камера, расположенная на глубине более 18 м, была раздавлена и заполнена грунтовыми водами и мелкодисперсной глиной, саркофаг разбит в щепу, останки погребенного не найдены. Однако в войлочном, крытом шерстяной тканью ковре, закрывавшем пол погребальной камеры, удалось обнаружить хорошо сохранившиеся эмалевые чехлы семи нижних зубов постоянной смены. На первый взгляд, такой материал не может нести содержательную информацию, позволяющую составить представление об индивиду (определить его пол, возраст, расовую принадлежность); ведь ткани зубов, по которым могли бы сделать свои определения молекулярные палеогенетики, отсутствуют. Но данная находка поистине уникальна, поскольку коронки зубов имеют признаки, характеризующие некоторые важные антропологические особенности индивида.

Характеристика палеоантропологического материала

Антропологический материал из погребения представлен хорошо сохранившимися эмалевыми чехлами семи нижних зубов постоянной смены – правого и левого клыков (С), правого и левого первых премоляров (P₁), левого второго премоляра (P₂), левых первого и второго моляров (M₁, M₂).

Характер стертости зубов

Поверхности вестибулярных бугорков моляров и премоляров более стерты по сравнению с лингвальными,

челюсти с тремя зубами [Жизнь..., 2006, с. 123], в Кондратьевском в восточном коридоре – бедренная кость и четыре зуба, в кург. № 25 около гроба – пять костей конечностей человека, тазовая кость, часть черепной крышки [Там же, с. 122], в кург. № 23 около гроба – четыре кости и в конце восточного коридора – три кости рук, шейные позвонки, кости стоп ног [Там же, с. 121].

вестибулярные поверхности ниже режущих краев коронок клыков косо сошлифованы (табл. 1, рис. 1). Эти особенности свидетельствуют о псалидонтном («верхнем») типе прикуса, при котором верхние резцы прикрывают нижние и в целом верхний ряд зубов слегка выступает за нижний. Такой прикус характерен для современного человека (встречается в разных группах с частотой до 80 %). Лишь в некоторых современных популяциях отмечается высокая частота других форм прикуса. Выраженная асимметрия в стертости бугорков моляров и премоляров, а также поверхностей клыков – признак глубокого псалидонтного прикуса, при котором верхние зубы далеко заходят на нижний ряд. Такой прикус возможен при очень грацильной нижней челюсти. О миниатюрности последней могут свидетельствовать и небольшие размеры зубов (табл. 2). Грацильность зубочелюстного аппарата – аргумент в пользу вывода о том, что исследуемый индивид – женщина.

Принадлежность исследуемых зубов женщине подтверждается также формой коронок моляров. По данным А.А. Зубова и Н.И. Халдеевой, изучавших связь формы коронок зубов с полом человека в 12 одонтологических выборках разных расовых групп [1993, с. 141], частота четырехбугорковых форм первого и второго верхних моляров в большинстве групп у женщин выше, чем у мужчин. Таким образом, при прочих равных этногенетических условиях в одонтологической выборке зубы с четырьмя бугорками могут с большей частотой встречаться у женщин.

Степень стертости зубов позволяет предположить, что биологический возраст индивида составляет 25–30 лет.

Морфологические особенности зубных коронок

Первый нижний моляр (M₁). Форма коронки Y4 (отсутствует гипоконулид) (рис. 1, 1). В большинстве популяций четырехбугорковый M₁ встречается редко. Однако частота встречаемости первого нижнего моляра формы Y4, достигающая 30 %, отмечается в южных европеоидных расовых группах. По данным А.А. Зубова и Н.И. Халдеевой [Зубов, 1973; Зубов, Халдеева, 1989], такая форма зуба встречается у памирцев с частотой 30,3 %, у осетин – 38,1, у азербайджанцев – 19,4, у населения Дагестана – 20,3, в группах Северо-Западной Европы и у населения Индии – от 10 до 20, в европеоидных группах Средней Азии – от 10 до 13 %. Р. Скоттом и К. Тернером [Scott, Turner, 1997] четырехбугорковый M₁ с относительно высокой частотой (10–20 %) зафиксирован на территории Западной Евразии. В монголоидных популяциях частота его встречаемости не превышает 3 %. По мнению А.А. Зубова, закономерность мирового распределения четы-

рехбугоркового M_1 «состоит именно в связи с расой, а не с территорией... наивысшие частоты... везде следуют за распространением европеоидного расового типа» [1973, с. 128]. Таким образом, по форме коронки первого моляра с высокой степенью вероятности можно предположить, что рассматриваемый индивид принадлежит к европеоидной расе.

Дистальный гребень тригониды (drtgd). Этот признак в сочетании с четырехбугорковым типом зуба (рис. 1, 2) – ключевая одонтологическая характеристика данного индивида. Ее важность объясняется особенностями мирового распределения *drtgd*.

Наиболее часто *drtgd* встречается в комбинации с пятибугорковым M_1 и является важным расово-диагностическим признаком «восточного» одонтологического комплекса. В монголоидных, австралоидных и веддоидных популяциях частота этого признака достигает 50–55 % [Зубов, Халдеева, 1993; Зубов, 2006]. Причем ее максимальные значения характерны для населения Монголии, Китая, Вьетнама. В среднем редко или очень редко, иногда с частотой, близкой к нулю, *drtgd* фиксируется у представителей «западного» одонтологического ствола – в северных и центральных европеоидных группах [Там же]. Исключение представляет южная ветвь европеоидной расы, относящаяся к т.н. южному грацильному одонтологическому типу: она включает группы с высокой (10–20 %) встречаемостью указанного признака. По данным А.А. Зубова, У.Ф. Гашимовой и Н.И. Халдеевой [Зубов, 1980; Зубов, Гашимова, 1982; Зубов, Халдеева, 1989], такие группы имеются среди населения Северной и Западной Индии (частота *drtgd* колеблется от 4,5 до 19,0 %, в среднем 10,7 %), Азербайджана (4,5–9,5 %, в среднем 7,2 %), Дагестана (0–12 %, в среднем 6,3 %).

Среди древних групп населения с исследованными антропологическими дифференцирующими признаками зубной системы южный грацильный одонтологический тип в том варианте, для которого характерна достаточно высокая частота встречаемости дистального гребня тригониды, выявлен в Прикаспийско-Приаральской обл. На территории Восточного Прикаспия (в границах современного Северо-Западного Туркменистана), по материалам некрополя Алтын-Депе (III–II тыс. до н.э.), частота M_1 4 составляет 18,4 %, *drtgd* – 15,1 % (данные О. Бабакова и др., цит. по: [Аксанова, Гельдыева, 2002, с. 42]), по материалам из нескольких некрополей узбойской культуры (последние века до нашей эры – первые века нашей эры), – 18,4 %, *drtgd* – 8,3 % [Там же]. В серии поздних сарматов из могильника Казыбаба на плато Устюрт в Юго-Западном Приаралье частота M_1 4 достигает 17,5 %, *drtgd* – 20,0 % (данные Н.А. Багдасаровой, цит. по: [Там же]).

Таким образом, коронка первого моляра может рассматриваться как уникальная находка: она несет очень важную информацию, позволяющую сделать

Таблица 1. Оценка степени стертости зубов по А.А. Зубову [1968]

Класс зуба	Правый	Левый
C	3	3
P1	2	2
P2	–	2
M1	–	Лингвальные бугорки 2 Вестибулярные » 3
M2	–	Лингвальные » 1 Вестибулярные » 2

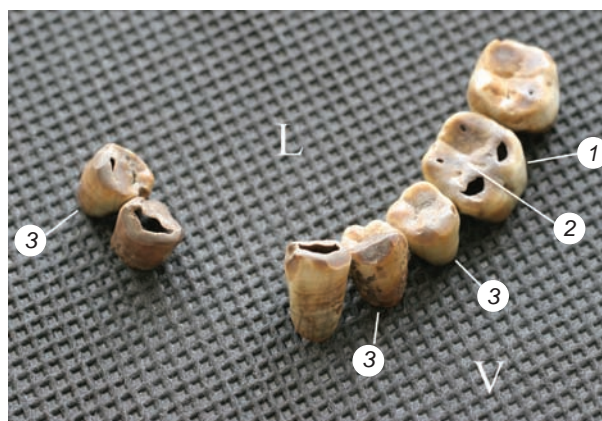

Рис. 1. Зубы из кург. № 20 в Ноин-Уле.

L – лингвальная сторона; V – вестибулярная сторона.

1 – четырехбугорковый первый моляр (4 M_1); 2 – дистальный гребень тригониды (*drtgd*) на M_1 ; 3 – трехбугорковые премоляры.

Таблица 2. Основные диаметры коронок зубов, мм

Класс зуба	Мезио-дистальный		Вестибуло-лингвальный	
	правый	левый	правый	левый
C	7,1	7,1	6,7	–
P1	6,6	6,7	7,8	7,3
P2	–	7,3	–	8,3
M1	–	10,6	–	10,5
M2	–	10,4	–	10,0

предположение об ареалах, с которыми могло быть связано происхождение данного индивида, – Прикаспийская обл. Северного Кавказа, Прикаспийско-Приаральская обл. и Северо-Западная Индия.

Межкорневой затек эмали. В практике одонтологического исследования данный признак учитывается на вторых молярах как верхнего, так и нижнего зубных рядов, поэтому мы не имеем сравнительных данных мирового распределения признака для первых моляров. Изучаемый зуб характеризуется пря-

мой эмалево-цементной границей на вестибулярной стороне коронки зуба (балл 2).

Второй нижний моляр (M_2). *Форма коронки Х4* (отсутствует гипоконулид). Четырехбугорковая форма второго нижнего моляра встречается повсеместно практически во всех этнотерриториальных группах. Наименьшие частоты такой формы этого зуба (10–30 %) соответствуют индейцам Америки, эскимосам, ульчам. Высокие частоты (больше 80 %, а в некоторых случаях 100 %) обычны в пределах европеоидной большой расы [Зубов, 1973; Зубов, Халдеева, 1989; Scott, Turner, 1997]. В большинстве групп представителей самых различных рас и в древних европеоидных сериях частота четырехбугоркового M_2 варьирует от 40 до 80 %. В метисных популяциях по мере увеличения доли европеоидного элемента увеличивается процент четырехбугорковых типов второго нижнего моляра. Однако наличие у субъекта такого зуба не является веским основанием для вывода о его европеоидности.

Межкорневой затек эмали. В общемировом масштабе вторые моляры (как верхние, так и нижние) отличаются максимальной частотой затеков (баллы 4–6). Частота встречаемости этого признака в монголоидных группах высока (до 90 %), в европеоидных – значительно ниже: у северных европеоидов ок. 40 %, у южных – ок. 20 %. Исследованный нами зуб не имеет затека эмали (форма эмалево-цементной границы описывается баллом 2), что может считаться европеоидной особенностью.

Первый и второй нижние премоляры (P_1, P_2). Премоляры данного индивида демонстрируют большую степень дифференциации. Оба зуба имеют по два хорошо развитых лингвальных бугорка, т.е. являются трехбугорковыми и описываются баллом 5 (по шкале А.А. Зубова) (рис. 1, 3). А.А. Зубов, опираясь на собственные данные по литовцам, эстонцам и казахам, а также сведения японских исследователей Т. Сакаи, И. Сакаи и Х. Ханамура, пришел к выводу, что классификация рас по числу бугорков второго нижнего премоляра вряд ли целесообразна. Распределение частот дифференцированных вторых премоляров (приближающихся по форме к молярам) не обнаруживает какой-либо связи с крупными расовыми подразделениями человечества и не имеет закономерной географической локализации [Зубов, 1973]. Трехбугорковый первый премоляр встречается редко. А.А. Зубовым он отмечен в группах литовцев и казахов (1,4–3,9 %). Какой-либо сравнительной базы по этому признаку не имеется.

Гипоплазия эмали

Особый интерес представляют обнаруженные на клыках и премолярах и первом моляре индивида дефекты эмали, диагностируемые как бороздчатая гипопла-

зия (рис. 2). Они имеют вид небольших борозд измененной эмали, которые чередуются с неизменной эмалевой тканью. Гипоплазия обуславливается дефицитом эмалевой ткани и на постоянных зубах формируется в период их минерализации под влиянием нарушения минерального и белкового обмена в организме ребенка. Локализация признаков гипоплазии на коронке зуба, как и групповая принадлежность пораженного зуба, во многом зависит от возраста, в котором на ребенка воздействовал стрессогенный фактор; для постоянных зубов это возраст от 0,5 до 6,5–7,0 лет. Нарушение обмена веществ в организме проявляется одновременно на всех зубах с одинаковыми сроками формирования. При определении возраста формирования гипоплазии учитывают локализацию ее проявлений на коронке зуба [Hillson, 2003].

У исследуемого индивида на первом моляре отмечаются только очень слабые изменения на мезио-вестибулярном участке коронки, около шейки зуба. На левом клыке локализация дефекта эмали не может быть точно определена, поскольку нижний край вестибулярной поверхности эмалевого чехла разрушен посмертно. Наиболее ярко выраженный стрессовый маркер отмечен чуть ниже середины коронки. На 1,4 мм выше наблюдается более слабо выраженное поражение. На правом клыке основной стрессовый маркер зафиксирован в 6,7 мм от шейки зуба, на расстоянии 7,8 мм – слабый след. На первом левом премоляре гипоплазия выражена слабее, чем на клыках, ее признаки локализуются чуть выше середины коронки: на расстоянии 5,3 мм от шейки – начало стресса, следы которого затем постепенно угасают, но слабые полоски сохраняются до конца формирования коронки. На первом правом премоляре отмечен прижизненный скол эмали дисто-лингвального угла коронки, сопровождающийся следами кариеса. Признаки основного нарушения минерализации эмали наблюдаются на расстоянии 5,6 мм от шейки, слабые полоски сохраняются до завершения формирования коронки. На втором левом премоляре имеется прижизненный скол эмали на дисто-вестибулярной поверхности, не сопровождавшийся развитием кариеса. Основной очаг гипоплазии локализуется в 2,5 мм от шейки зуба.

Характер локализации следов гипоплазии свидетельствует о том, что наиболее острый стресс, обусловивший недоразвитость тканей формирующихся постоянных зубов, погребенная испытала в возрасте от 4 до 6,5–7 лет. По данным М.И. Грошикова, при нарушении кальцификации зубов до 3–4 года жизни поражаются жевательные поверхности премоляров и вторых моляров [1985, с. 45]. Этих поражений у данного индивида мы не наблюдаем. Стрессогенный фактор, вызвавший гипоплазию зубов погребенной, не был устранен до окончания процесса их формирования, т.е. до 6–7 лет.

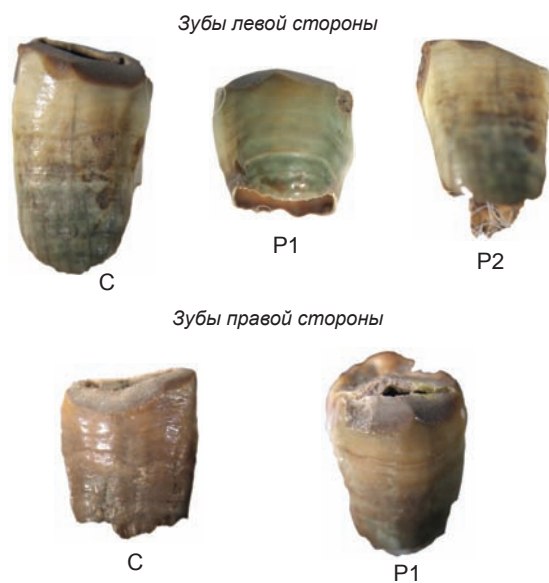

Рис. 2. Следы гипоплазии эмали на клыках и премолярах.

Искусственная стертость эмали. Представляет интерес повреждение эмали травматического характера: на первом левом премоляре на окклюзиальной поверхности и на вестибулярной стороне коронки заметны фасетки искусственной стертости (рис. 3). Трасологические особенности этого участка коронки первого правого премоляра и следы стертости на других зубах изучены д-ром ист. наук П.В. Волковым. При микроскопическом обследовании поврежденных поверхностей коронок зубов им выявлено два типа стертости.

Зона стертости первого типа проявляется как уплощенный участок с острой кромкой контакта с неповрежденной поверхностью. Поверхность стертости однородная, имеет характер заполировки (рис. 3). На ней не прослеживается каких-либо аномальных деформаций. Генезис стертости такого типа может быть обусловлен контактом однородных материалов, в данном случае контактом зубов при псалидонтной форме прикуса. Стертость этого типа характерна для всего рассматриваемого одонтологического материала.

Стертость второго типа отмечена на первом левом премоляре (рис. 4); зона деформированной поверхности проявляется как уплощенный участок со сглаженной краевой кромкой. Поверхность стертости однородная, имеет характер смешанного внешнего воздействия (заполировки и шлифовки). На описываемой поверхности прослеживаются линейные следы и неглубокие каверны. Ориентация линейных следов на деформированных окклюзиальной и вестибулярной поверхностях различна. На окклюзиальной поверхности (горизонтальной плоскости) ориентация линейных следов хаотична (рис. 4). На вестибулярной поверхности (наклонной плоскости) линейные следы

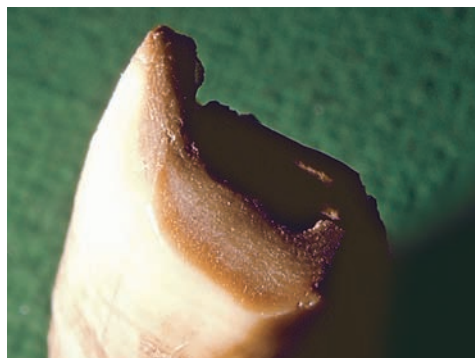

Рис. 3. Поверхность естественной стертости зуба (левый клык – С).

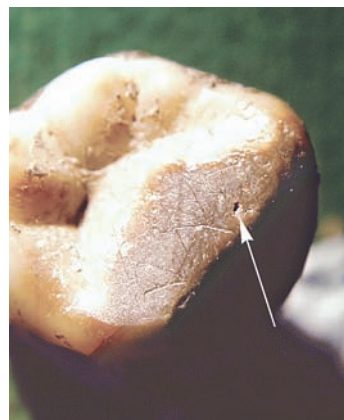

Рис. 4. Линейные следы на горизонтальной поверхности искусственной стертости левого P_1 . Стрелка указывает на хаотично расположенные линии и каверны от абразивных частиц.

Рис. 5. Линейные следы на наклонной (вестибулярной) поверхности искусственной стертости левого P_1 .

ориентированы преимущественно вдоль вертикальной оси зуба (рис. 5). Следы каверн зафиксированы в основном на окклюзиальной поверхности зуба. Стертость второго типа, вероятно, является результатом

контакта зубной поверхности с эластичным нитеобразным, загрязненным мелкими частицами артефактом, например, при многократном локальном надкусывании какой-то мягкой и эластичной ткани. Учитывая археологические находки, можно предположить, что женщина перекусывала шерстяные нитки при вышивании (изготовлении ковра и т.п.). По мнению П.В. Волкова, нить зажимали в зубах и отрывали коротким резким движением с оттяжкой ее вниз. Относительно большое содержание абразивных частиц (вероятнее всего песка) может быть объяснено рыхлостью нити. Такие особенности могут соответствовать шерстяной нити, изготовленной прядением (витая нить).

К вопросу о юго-западных контактах хунну

Изученный, на первый взгляд, скромный одонтологический материал дал уникальную информацию. Как было установлено, в кург. № 20 в Ноин-Уле находились останки женщины, умершей в возрасте 25–30 лет. Характерная стертость на зубах указывает на одно из ее занятий – шитье, вышивание. По нашему мнению, бесспорна принадлежность женщины к большой европеоидной расе, к тем ее антропологическим вариантам, которые относятся к южному грациальному одонтологическому типу. Моляры женщины сконцентрировали не нейтральные, а важнейшие расодифференцирующие признаки, которые, встречаясь в популяции со сравнительно небольшой частотой, могут диагностировать ее этногенетический статус. Более того, эти признаки связаны в очень редкий комплекс, который отмечен в нескольких современных этнических группах, населяющих предгорья и горы вдоль западного побережья Каспийского моря и северные районы Индо-Гангского междуречья. В древних одонтологических сериях этот комплекс присутствует у населения Прикаспийско-Приаральской обл. Эта территория и Северо-Западная Индия в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. входили в состав Парфии. Здесь в начале I в. н.э. возникло крупное государство со столицей в Таксиле, недолго подчинявшееся парфянам. Вполне вероятно, что молодая женщина, останки которой находились в кург. № 20 в Ноин-Уле, была носительницей парфянской культуры. В пользу этого предположения свидетельствуют обнаруженные в данном погребении шерстяные ткани и вышитые завесы парфянского производства. Парфия на протяжении длительного времени являлась посредником в торговле между Китаем и Римом; возможность торговли напрямую была исключена. Между Китаем и Парфией нередко возникали хунну. Стремление кочевников контролировать трансконтинентальные торговые маршруты было одной из трех предпосылок образования

Хуннской державы [Крадин, 2002, с. 234]. Западный край (так древние китайцы называли небольшие государства в бассейне Тарима) справедливо считается окном в западный мир; через него проходили северный и южный маршруты Великого шелкового пути, его оазисы и пастбища имели большое экономическое значение для хунну. Длительное время хунну имели безраздельное политическое влияние на Восточный Туркестан и западную часть нынешней провинции Ганьсу. Даже после фактического подчинения ряда малых государств Таримского бассейна ханьскому двору их владельцы продолжали блюсти интересы хуннских владык [Кляшторный, 1992, с. 119].

Южные оазисы Восточного Туркестана с древности заселялись выходцами из Северо-Западной Индии и Кашмира. Когда началось их проникновение (инфильтрация) на эту территорию точно неизвестно, поскольку индийское влияние на политическую и духовную жизнь Восточного Туркестана распространялось мирным путем [Воробьева-Десятковская, 1992, с. 77–78, 115]. Ко II в. н.э., судя «по местным документам письмом кхарошти на северо-западном пракрыте, численность местного индийского населения была уже значительной» [Там же, с. 115]. Это население в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. было проводником докушанской парфянской культуры Гандхары вглубь Центральной Азии. Учитывая новые материалы из ноин-улинского кург. № 20, можно предположить, что при ставках хуннских шаньюев находились западные мастерицы-вышивальщицы, создававшие по известным им образцам великолепные вышитые завесы, большие фрагменты которых были обнаружены в нескольких ноин-улинских курганах (№ 6, 20, 25) [Руденко, 1962, табл. LX–LXIX]. Хунну обладали большим количеством шерстяных привозных изделий. Так, Ду Ду – автор «Рассуждений о границе» – писал, что шерстяные покрывала, узорные завесы, навесы, ковры и меховые изделия у них лежали грудями, как горы (цит. по: [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 231]).

В Восточном Туркестане благодаря «введению индийской письменности и проникновению индийских языков... обрели письменную традицию местные бесписьменные народы» [Воробьева-Десятковская, 1992, с. 115]. Одним из таких народов могли быть хунну. Обосновывая возможность существования письменности у хунну, Л.Н. Гумилев ссылается на свидетельство одного из участников китайского посольства, посетившего в 245–250 гг. государство Фунан (на территории совр. Камбоджи): письменность фунанцев, которые использовали индийский шрифт, напоминает письменность хунну. В таком случае хуннская письменность (которая упоминается в древнем источнике как само собой разумеющееся) имела индийское происхождение [Гумилев, 1998, с. 106–107]. С учетом тесных контактов хунну с населением бас-

сейна Тарима, где было распространено индийское письмо, эта точка зрения как гипотеза (до обнаружения реальных образцов письменности хунну) имеет полное право на существование. Индийская письменность могла использоваться в степи для передачи местных неиндийских языков. Тамгообразные знаки хунну на китайской лаковой посуде, берестяных, керамических и костяных изделиях, которые в последние годы обнаруживают в курганах знати, напоминают символы индийского письма (см., напр.: [Миллер, Оллард, Димаджаев Эрдэнэбатор, 2008, рис. 5. 2, 5; L'Asie..., 2000, p. 128; Миняев, 2009]). Обнаруженное в кург. № 20 ноин-улинского могильника хунну захоронение женщины, чье происхождение, скорее всего, связано с Северо-Западной Индией, свидетельствует о том, что в общество хунну были интегрированы не только ханьцы – носители китайской письменности, но и выходцы с запада.

Трудно сказать однозначно, был ли кург. № 20 в Ноин-Уле сооружен специально для молодой женщины, которая могла быть женой высокопоставленного хунну, или она, будучи в ином статусе, только сопровождала умершего шаньюя. Мы знаем слишком мало для того, чтобы быть категоричными. Дальнейшее исследование материалов кургана позволит прояснить этот вопрос.

Список литературы

- Аксянова Г.А., Гельдыева Г.** Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2002. – Т. II. – С. 5–55.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 380 с.
- Воробьева-Десятовская М.И.** Индийцы // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Наука, 1992. – С. 77–116.
- Грошиков М.И.** Некариозные поражения тканей зубов. – М.: Медицина, 1985. – 176 с.
- Гумилев Л.Н.** История народа хунну. – М.: Ин-т ДИ-ДИК, 1998. – 448 с.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР. – М.; Л.: АН СССР, 1948. – 392 с.
- Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970) в Монголии и России / сост. И.В. Кугальник, В.Ю. Жуков.** – СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. – 412 с.
- Зубов А.А.** Одонтология. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 199 с.
- Зубов А.А.** Этническая одонтология. – М.: Наука, 1973. – 204 с.
- Зубов А.А.** Антропологическая характеристика населения союзной территории Дели по одонтологическим признакам // Новые данные к антропологии Северной Индии. – М.: Наука, 1980. – С.152–161.
- Зубов А.А.** Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-онлайн, 2006. – 71 с.
- Зубов А.А., Гашимова У.Ф.** Одонтологическая характеристика населения Западной Индии // Новые материалы к антропологии Западной Индии. – М.: Наука, 1982. – С. 157–174.
- Зубов А.А. Халдеева Н.И.** Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989. – 232 с.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтология в антропологии. – М.: Наука, 1993. – 224 с.
- Кляшторный С.Г.** Хунну и тюрки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Наука, 1992. – С. 115–167.
- Козлов П.К.** Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1924. – СПб.: Наука, 2003. – 1037 с. – (Научное наследие; т. 30).
- Коновалов П.Б.** Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 221 с.
- Крадин Н.Н.** Империя Хунну. – М.: Логос, 2002. – 297 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И.** Китай на Шелковом пути. – М.: Наука, 1994. – 326 с.
- Миллер Б.К., Оллард Ф., Димаджаев Эрдэнэбатор, Ли К.** Погребальный комплекс сюнну: раскопки могильника Гол Мод-2 (Монголия 2002–2005 годы) // Археол. вестн. – М.: Наука, 2008. – С. 55–71.
- Миняев С.С.** Элитный комплекс сюннских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2. – С. 49–58.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н.** Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 77–87.
- Руденко С.И.** Культура хуннов и ноин-улинские курганы. – М.; Л.: АН СССР, 1962. – 206 с.
- Теплоухов С.А.** Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – С. 13–22.
- Ходукин Я.Н.** Первые раскопки в горах Ноин-Ула. – Иркутск: [Б.и.], 1926. – 16 с.
- Hillson S.** Dental anthropology. – N.Y.: Cambridge University Press, 2003. – 373 p.
- L'Asie des steppes d' Alexandre le Grand à Gengis Khan.** – Barcelone: Fundacio «la Caixa». – 2000. – 203 p.
- Scott R.G., Turner C.G.** The anthropology of modern human teeth. Dental morphology and its variation in recent populations. – N.Y.: Cambridge University Press, 1997. – 382 p.